

Кривоусова З.Г. Интерпретация сказки Г.-Х. Андерсена в «Снежной королеве»

Е.Шварца

-

URL:

https://vk.com/doc288907438_649331334?hash=u12JgGXIWYqXflvVg7U825rInAw7z7yeYVl5hHJfI5T&dl=MwBrhLyq0XWcSGuk3J90elgVMYM8RXZCzvzl7hl1HLT

З.Г. Кривоусова

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКАЗКИ Г.-Х. АНДЕРСЕНА
В «СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЕ» Е. ШВАРЦА**

Свой путь в литературе Евгений Шварц начал как фельетонист в одной из провинциальных газет. В столичной печати будущий драматург появился в 1924 году, когда в альманахе «Воробей» была опубликована его детская книжка «Рассказ старой балалайки», написанная раёшным стихом. Замеченная Маршаком, одобренная Мандельштамом, она во многом определила дальнейший путь творческих исканий молодого писателя, выбравшего своим поприщем детскую литературу. В это время Шварц активно сотрудничал в ленинградских журналах «Чиж» и «Ёж», в которых одновременно с ним работали Д. Хармс, Н. Олейников, Б. Житков, И. Андроников.

Создавая произведения для детей, писатель всё чаще обращался к сказке. Осознание того, почему он стал именно драматургом-сказочником, пришло гораздо позже. 17 апреля 1942 года Шварц сделал в дневнике такую запись: «Уж лучше сказки писать. Правдоподобием не связан, а правды больше» [1, с. 6].

Писатель вспоминал о своих первых шагах в детской драматургии: «Начиная свою работу, я был смел, но в смелости моей никакой заслуги не было. Эта смелость была прямым результатом моей неопытности. Я не знал о так называемой «специфике детского театра». Я не был знаком с педологами» [2; с. 6].

Абсурдная деятельность «чиновников от просвещения», ополчившихся на сказку, точно и выразительно воссоздана Шварцем в дневнике: «В те

мрачные дни противники антропоморфизма и сказки, утверждавшие, что и без сказок ребёнок с огромным трудом постигает мир, захватили ключевые позиции педагогики. Детскую литературу провозгласили они довеском к учебнику. Они отменили табуретки в детских садах, ибо таковые приучают к индивидуализму, и заменили их скамеечками. Изъяли кукол, ибо они гипертрофируют материнское чувство, и заменили их куклами, имеющими целевое назначение: например, толстыми и страшными попами, которые должны были возбуждать в детях антирелигиозные чувства. Пожилые теоретики эти были самоуверенны. Их не беспокоило, что девочки в детских садах укачивали и укладывали спать и мыли в ванночках безобразных священников, движимые слепым и неистребимым материнским инстинктом. Ведь ребёнка любят не за красоту. Вскоре непоколебимые теоретики потребовали, чтобы рукописи детских писателей посылались в Москву до их напечатания в ГУС, в Государственный Учёный Совет. Вот что делалось вокруг детской литературы» [1, с. 238].

Обращение молодого автора к жанру сказки было во многом случайным. Он вспоминал позже, что «первую свою пьесу «Ундервуд» совершенно искренне считал произведением вполне реалистическим. С удивлением и удовольствием услышал я, что у меня получился новый вид сказки. Очень мне это понравилось. Думаю, что в дальнейшем я сознательнее, чем прежде, старался, чтобы мои пьесы походили на сказки» [1, с. 39].

Выбор жанра можно объяснить разными причинами. С одной стороны, чиновники относили сказку к несерьёзной, «детской» литературе, что несколько снижало бдительность цензуры. С другой стороны, сказка при всей её фантастичности во все времена оставалась предельно реальной, отражала жизненную правду. Наконец, сказка рассчитана на самую широкую аудиторию, пользуется успехом и у детей, и у взрослых. Шварц создавал пьесы с двойным адресом, объясняя это тем, что «решил во что бы

то ни стало писать нечто ни для кого и ни для чего. Научиться рассказывать всё» [1, с. 187].

Обращение Шварца к сказке было не только попыткой найти свой путь в литературе, оно давало возможность адекватно реагировать на всё, что он видел и пережил. Сценическая судьба большинства его произведений была непростой: «Голый король» (1934) при жизни драматурга не ставился, «Тень» (1940) шла всего несколько месяцев и была запрещена, «Дракона» (1943) сразу после триумфального просмотра сняли с постановки без объяснения причин и надолго запретили.

«Снежная королева» была написана Е. Шварцем в 1938 году и окончательно определила направление его творческих исканий. Мы сознательно отмечаем время создания пьесы, потому что над лучшими своими сказками драматург работал в самые сложные для страны десятилетия.

Автор сопровождает пьесу подзаголовком: «Сказка на андерсеновские темы», – и это закономерно, поскольку в произведении активно используются не только фабула одноименной сказочной повести, но и стиль датского писателя. Особенно это заметно в эпизодах, когда Сказочник знакомит детей с историями «о башмаках, которые пошли в гости к сапожной щётке», «о снежном болване», «о поющих ступеньках», – сохраняя интонацию известных историй Андерсена.

Сам образ Сказочника, первым появляющегося на сцене перед занавесом в прологе, несомненно, несёт отпечаток облика, характера и биографии датского писателя. Эта связь подчёркивается не только профессией «доброго молодого человека лет двадцати пяти», но и его рассказом о своём детстве во второй картине четвёртого действия. Воспоминания Сказочника о матери-прачке, о поздней учёбе в школе явно перекликаются с автобиографической книгой Андерсена «Сказка моей жизни».

Однако с этого сходства начинаются и те отличия, которые позволяют видеть в пьесе Е. Шварца не только интерпретацию андерсеновского текста, но и оригинальную сказку, созданную под влиянием одноимённого произведения. В связи с этим можно привести запись, сделанную драматургом в дневнике 4 октября 1948 года: «<...> вопрос о влияниях не так прост и решается не столь прямо. Прекрасная вещь возбуждает желание работать, но не передразнивать, если ты уже человек, а не обезьяна» [1, с. 39].

Отдавая дань известной фабуле, драматург создаёт свою сказку. Это подтверждает, прежде всего, образ Сказочника. Юноша, избравший своей профессией столь благородное поприще, ещё до начала действия обращается к зрителям с монологом. По сути дела, герой излагает творческую программу самого писателя. В словах молодого человека звучат мысли о важности профессии сказочника, о её необходимости, как и любой другой профессии (*«И все мы – и актёры, и учителя, и кузнецы, и доктора, и повара, и сказочники – все мы работаем, и все мы люди нужные, необходимые, очень хорошие люди»* [3, с. 277]), а также о праве распоряжаться собственной сказкой по своему усмотрению (*«Да, самое главное я и забыл! Мне прискучило всё рассказывать да рассказывать. Сегодня я буду п о к а з ы в а т ь сказку. И не только показывать – я сам буду участвовать во всех приключениях. Как же это так? А очень просто. Моя сказка – и я в ней хозяин»* [3, с. 277]).

Кроме того, Сказочник представляет героев пьесы, предлагая своеобразную устную театральную программу для зрителей младшего школьного возраста, демонстрирует реквизит, учитывая то, что это, по всей вероятности, одно из первых знакомств детей с театральной условностью. Этим же объясняются и слова персонажа о том, что сказку он будет не рассказывать, а показывать. Вместе с упоминанием о незавершенности его сказки, это даёт представление об одной из отличительных черт драмы.

Сказочник говорит о том, что он будет не только показывать сказку, но и участвовать в ней. Необходимость этого действующего лица подтверждается всем ходом пьесы. Своим активным вмешательством в судьбы героев молодой человек получает законное право на произносимые им в финале пьесы слова, звучащие, как девиз: *«Что враги сделают нам, пока сердца наши горячи? Да ничего! Пусть только покажутся, и мы скажем им: «Эй, вы! Снип-снэп-снурре...»* [3, с. 331].

В отличие от «Снежной королевы» Андерсена пьеса Е. Шварца совершенно лишена откровенного волшебства. Драматург намеренно исключает из действия эпизоды, связанные с влиянием на судьбы героев сказочно-фантастических обстоятельств: сюжеты о кривом зеркале и его осколках, о женщине, которая умела колдовать, о финке и лапландке. Это позволяет не только сократить эпическое время до сценического, но и придать характерам персонажей большую жизненность.

Шварц не стилизует своих персонажей под героев Андерсена, но вместе с тем его произведение, несомненно, написано в андерсеновском интонационном ключе. Драматург развертывает отдельные замечания, сделанные датским писателем, в целые сцены. Небольшие штрихи – до самостоятельных характеров, которые одновременно с этим получают более тонкие и точные психологические мотивировки.

Мысли, темы, наблюдения Андерсена обретают в «Снежной королеве» Шварца подтверждение жизненной правотой. В этом отношении показателен финал произведения. Автор собирает в каморке у бабушки всех действующих лиц пьесы: с одной стороны, тех, кто помогал Герде в спасении Кая, с другой – их противников.

Зло, персонифицированное в образах Снежной королевы и Коммерции советника, не исчезает совсем, а лишь отступает в борьбе с добром, поскольку вечность жизни и определяется этим противостоянием. Вместе с тем эта победа даёт Сказочнику право произнести в финале знаменитые слова о силе горячего сердца и верной дружбы.

Таким образом, по-разному решая вопросы, которые выходят далеко за пределы судеб главных героев сказки, вслед за Андерсеном Шварц приводит читателей и зрителей к убеждению, что отважная верность горячего сердца и искренняя дружба могут творить настоящие чудеса, способны даже растопить лед, сковавший человеческое сердце. Интерпретируя фабулу сказки Андерсена, Евгений Шварц творит на её основе свою собственную.

Литература

1. Шварц Е. Живу беспокойно...: Из дневников / Е. Шварц. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 752 с.
2. Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце / Сост. Л.В. Поликовская, Е.М. Биневич. – М.: Кн. палата, 1991. – 368 с.
3. Шварц Е. Снежная королева // Шварц Е. Обыкновенное чудо: Пьесы / Сост. Н.Е. Крыжановская. – С-Пб.: Лениздат, 1992. – 412 с.